

АННА ДЖЕЙН

Зеленый Остров

Анна Джейн Зеленый остров

<https://litres.ru/74402149>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кто-то называет ее воровкой, а кто-то - мошенницей.

В чьей-то памяти она навечно осталась прекрасной куклой, способной отобрать миллионы. А кто-то запомнил ее пацанкой, карманницей и ловким шулером.

Десятки масок, ловкие пальцы и гибкий ум - современная девушка - Робин Гуд? Как знать.

Старые тайны, детские страхи и поверженные враги - Золушка наших дней? Может быть.

Плывя по океану жизни и сражаясь с волнами, сложно остаться самой собой. И лишь на Зеленом острове она может почувствовать себя в безопасности.

Бонус-история к роману "Мой идеальный смерч"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Джейн

Зеленый остров

Глава 1

В большом океане жизни — безрадостной или беспечной,

В той самой, в которой совсем ничего не просто,

В той самой, в которой не существует ничего вечного,

У каждого должен быть свой зеленый остров.

Остров, на пляже песочном которого можно вытянуть

Ноги босые, усталые, сбитые в кровь на суше.

Глядя на звезды, чувствовать, что связаны прочными нитями.

И вместе с прибоем дыхание острова слушать.

Около новенького высокого дома-свечки — такие есть в каждом новом районе — остановился большой внедорож-

ник. Он был несколько потрепан и требовал посещения автомойки, однако темноволосый и темноглазый водитель его, кажется, думал совершенно о другом. Черри заботили лишь цветы — сиреневые ирисы, завернутые в простую газетную бумагу и лежавшие на пассажирском сиденье. Он наспех припарковался, едва не задев чью-то криво поставленную машину, залез в карман пуховика, словно проверяя что-то, удостоверился, что ничего не потерял и вылез из машины. Тотчас по щекам ударил невидимой дланью мороз, и теплолюбивый Черри поежился. Несмотря на начало декабря, холод стоял собачий.

Парень поспешил к багажнику и с ухмылкой достал из него бейсбольную биту ярко-розового цвета, на которой весьма выразительно выведена была надпись: «Последний аргумент». Бита хотя и выглядела глупо и легковесно, но в ней чувствовалась тяжесть — весила она почти килограмм.

— Здорово, сосед, — удивленно покосился на Черри мужчина лет сорока, который тоже только что подъехал к дому на машине. — Тебе для чего эта штука-то нужна? — кивнул он на розовую биту.

— В подарок, — довольно отозвался парень, пожимая соседа руку.

Он вытащил из салона букет и пару больших пластиковых пакетов из супермаркета, в которых среди обычных продуктов были и торт, и ананас с виноградом, и дорогая бутылка мартини, и коньяк хорошей выдержки, поставил машину на

сигнализацию и, прежде чем зайти в подъезд, глянул вверх, на окна дома. Хотя еще не стемнело, видно было, что на кухне горит свет. И отчего-то, видя это, Черри почувствовал себя почти счастливым.

Когда он заходил в подъезд, дождавшись, пока любезный сосед откроет ему дверь, почувствовал вдруг взгляд в спину и обернулся, но в заваленном снегом дворе, в центре которого высился огромный снеговик, никого не увидел. И решил, что ему показалось. Предвкушая вечер, парень направился к лифту.

— Ну, ты и затарился, — с едва заметной завистью отметил все тот же сосед, углядев в пакете коньяк.

— У девушки день рождения, — пояснил ему Черри.

— Передавай своей красотке поздравления. Повезло тебе с ней, Александр, — вспомнил сосед его пассию — невысокую хрупкую девушку с пепельными кудрями и большими зелеными глазами.

— Повезло, — не стал скрывать парень. Но почему-то ухмыльнулся.

Характер у его избранницы был не из легких. Это другие видели в ней милашку с лицом куколки и нравом ангела. Но вот Анька по прозвищу Алладин была полной противоположностью чужим ошибочным представлениям о ее нраве, характере и мировоззрении.

— Как праздновать будете? — полюбопытствовал сосед и глянул на пакеты. — Гостей ждете?

— Вдвоем, — отвечал Черри. — Хотим на все выходные уединиться от мира, — пояснил он со смешком, выходя из лифта.

— Вы там потише только уединяйтесь, — с понимающей улыбочкой напутствовал его сосед, живущий как раз в квартире сверху. — Мне дела нет — понимаю, молодо-зелено, а жена моя возмущается. Все грозитя на собрании жильцов... — На этом речь его оборвалась — лифт поехал дальше.

А Черри, с некоторым трудом удерживая биты, цветы и пакеты, обдумывая, как повернуть одно весьма важное дельце, пошел к своей квартире. Он никогда не думал, что такая жизнь ему, бунтарю и почти анархисту в душе, будет нравиться. Что будет нравиться просыпаться каждое утро с одной и той же женщиной в кровати, с ней же и засыпать; будет нравиться часто завтракать вместе, изредка обедать и каждый день — обязательно — ужинать; будет нравиться видеть ее рядом, стоящей у плиты или лежащей на диване в домашних майке и шортах, открывающих симпатичные ножки и замысловатые женственные тату на крепких икрах и стройных бедрах; что будет нравиться жить с ней на одной территории.

Квартира ему тоже нравилась, хотя и не представляла ничего из себя выдающегося — не родные двухуровневые пенаты родителей и не бабушкин особняк, который теперь бабуля грозитя оставить в наследство не Черри (из-за его де-вушки), а его брату Ланде, хотя они с ней и не кровные родственники. Окна этой квартиры — те самые, на которые Чер-

ри смотрел, выходили на запад, и каждый вечер их заливало нежным солнечным светом, и каждый вечер видны были закаты. Они разливались над городом, не похожие друг на друга, яркие, блеклые, печальные и прекрасные, кровавые и серые. Разные — совсем как люди. Черри больше всего любил зимние закаты — самые нежные, хрупкие, далекие. Если летом вечернее небо было нарисовано густой гуашью, то зимой — изысканной акварелью, разбавленной снегом. Не то чтобы Черри увлекался красотами природы, скорее, больше ценил урбанизацию, но невозможно остаться равнодушным к тому, что каждый день видишь из окон своего дома. Особенно если рядом особенный человек.

Это была вторая зима, которую он встречал в этой квартире на восьмом этаже и встречал не один. Уже второй год Черри делил ее вместе с человеком, неожиданно ставшим для него близким. Как так произошло, что та, которую он считал ненормальной, вдруг сделалась той, кого нельзя заменить никем, он понятия не имел. Но ощущал острую потребность видеть и слышать ее и прикасаться к ней каждый день. Скучал, когда они были в разлуке, думал, все ли с ней в порядке, когда уезжал, ревновал, когда на нее обращали внимание другие мужчины. А еще часто злился, желая придушить эту нахалку, но не менее часто радовался — столько всего дарило ему общение с ней. В общем, испытывал всю гамму эмоций, на которую был способен.

После их знакомства с Аней прошло почти три с полови-

ной года. И это время было таким бурным, ярким и насыщенным, что для обоих пролетело незаметно. В начале их странных отношений Анька ловко манипулировала Сашей, играя на его мужских слабостях, развлекалась с ним и то отталкивала, исчезая куда-то, то вдруг появлялась откуда ни возьмись, кружа голову и ему, и себе, и их погасшие было отношения вспыхивали с новой силой. Они часто ссорились, бросали друг друга и обещали никогда больше не возвращаться. Аня кричала, что в жизни больше не свяжется с «малолеткой», Черри орал, что ему «нафиг не нужна» такая сумасшедшая да к тому же еще и занимающаяся непонятно чем девица. Но спустя несколько недель, максимум, месяцев, эти двое вновь находили друг друга, не в силах прервать свои отношения, которых совершенно не планировали. Черри считал, что он еще слишком молод и хорош собой, чтобы прощаться со свободой, а Аня и помыслить не могла, что ее может всерьез заинтересовать кто-то такой незрелый и своевольный. Как бы то ни было, каждая ссора заканчивалась пламенными объятиями и желанием одержать друг над другом верх, а каждое расставание — новой встречей. Однажды разожженный огонь уже не мог погаснуть.

Спустя два года, после столь ярких, в чем-то безрассудных, в чем-то болезненных, а в чем-то захватывающих своей эмоциональной глубиной отношений Аня и Саша решили вдруг — как всегда в спешке, в момент очередного бурного примирения, — что могут жить вместе. Оба они были ско-

ры на руку, и в тот же день пара нашла себе эту квартиру — светлую, двухкомнатную, в недавно сданном доме в новом микрорайоне на краю города. Жить вместе с первого раза не получилось. Они ругались. Из квартиры, громко хлопая дверью, уходил то один, то другой, но возвращения стали неотъемлемой частью их жизни.

А потом — не сразу, постепенно — их отношения стали меняться. То ли Черри повзрослел и стал терпимее, то ли Анька переборола в себе обидчивость и желание быть во всем первой, но вот уже почти год они жили вместе — без расставаний и громких скандалов, хотя, конечно, ссоры не канули в лету, и парочка то и дело выясняла отношения. Кроме того, в их общении появилась нежность — нет, не ванильная, воспеваемая романтичными пабликами, а едва заметная, совсем простая — не в сладких словах, а в теплых взглядах и случайных прикосновениях. В редких подарках и глупых поступках. Вместе с ней пришли и большее уважение, и желание понять друг друга. И совместные закаты — их хорошо было видно из окон спальни в любое время года. Летом закаты можно было встречать на лоджии с бокалами холодных напитков со льдом, весной и осенью — на кухне, за столом, с кальяном или ноутбуком, по которому шел очередной сериал, а зимой — в гостиной, около камина, с глинтвейном и теплым пледом — одним на двоих. Камин — компактный, электрический, но не отличимый от настоящего, купила Анька — увидела в каком-то фильме, а потом ре-

шила заказать домой. Это был ее своеобразный подарок самой себе на день рождения, который приходился на начало декабря. На сегодняшний день.

Вспомнив о празднике, Черри довольно улыбнулся и, минометом глянув на ирисы, позвонил в дверь, точно зная, что Анька дома. Готовит на кухне в честь своего дня рождения. Она, однако, то ли не слышала звонка, то ли притворялась, и Черри пришлось достать из кармана зимней куртки ключи и самому открыть дверь. На него тотчас нахлынул сплошным потоком теплый квартирный воздух, прогретый и пахнущий грушевым пирогом — Анькиным коронным десертом. Кроме того, Черри уловил едва заметный аромат ее любимых духов — чуть терпких, неуловимых, с нотками корицы и яблок.

— Крошка! — зычно прокричал парень, разуваясь и снимая верхнюю одежду. При этом он достал из куртки небольшую синюю коробочку и спрятал ее в карман джинсов. — Крошка, выходи!

Однако Аня не появлялась, и Черри, спрятав за спину букет и биту, направился на кухню, из которой доносилось бормотание телевизора, висевшего на стене. Нельзя сказать, что им нравилось смотреть ТВ, однако Анька любила включать его, когда готовила, — в основном, документальные фильмы и передачи о путешествиях.

Кухня встретила Черри электрическим светом и пирогом в духовке — еще теплым. Тут было так чисто, словно никто и не готовил, и одиноко стояла на столе едва тронутая бутылка

красного вина.

— Спряталась, что ли? — сам у себя спросил Черри, начиная злиться. Не так он предвкушал себе встречу. — Анька! Папочка дома, можешь бежать и радоваться! Ты в туалете, что ли? — догадался он и, в два счета преодолев коридор, потянул на себя дверь, ведущую в уборную.

Та оказалась пуста, как и ванная комната, и спальня, и гостиная. Кроме того, в гостиной девушка накрыла праздничный стол, и в электрическом свете искрились хрустальные бокалы и сверкали столовые приборы, которые были разложены скрупулезно правильно — с соблюдением всех правил этикета. Ани нигде не было, и это ужасно нервировало Черри.

— Куда тебя унесло? — проворчал он, чувствуя, как в груди ворочается раздражение. Парень терпеть не мог, когда все шло не по его плану.

Дозвониться до своей девушки он тоже не смог — ее телефон не просто был выключен, он лежал на кухонном подоконнике, забытый и одинокий. Что-то в квартире однозначно, пока еще неуловимо, изменилось, но что именно — Саша понять не мог.

— И куда она могла подеваться? — спросил, наморщив лоб, Черри.

Они договорились, что она ждет его после работы и они вместе празднуют ее день рождения. Зря, что ли, он ездил в супермаркет и за подарками. Целый час выбирал, между

прочим, аж взмок. Хорошо еще, помогли Машка и Марина. Первая подбадривала и шутила, зато вторая точно знала, какие украшения могут понравиться взрослой девушке — Анька была старше Черри почти на пять лет. Разница, правда, не ощущалась. Во-первых, порою Анька вела себя, как тринадцатилетняя, а, во-вторых, выглядела она гораздо моложе своих лет.

— Эй, детка, выходи! — заорал Черри, уверенный, что подруга где-то прячется. — Найду — хуже будет, — кровожадно пообещал он, прикидывая, куда могла спрятаться эта маленькая стерва.

Поиграть решила? Отлично, он примет ее правила! Но потом ей придется играть так, как захочет он. Саша, бросив в угол битую и кривую в предвкушающей улыбке губы, заглянул за дверь, под стол и, наконец, приблизился к шкафу, в котором оба они хранили вещи. Шкаф-купе был длинный — во всю стену, да и сам казался стеной — из-за фотообоев с изображением ночного мегаполиса. Черри, одной рукой удерживая букет ирисов, которые совсем не пострадали после короткой прогулки по морозу, свободной рукой резко открыл дверку, справедливо полагая, что Анька прячется там — больше нигде. Однако то, что он там увидел, заставило его замереть. Та половина, которая принадлежала девушке, была пустой. Будто бы и не жила никогда в этой квартире Аня. Только Сашины вещи висели и лежали на полках шкафа-купе. Платья, футболки, блузки, юбки, брюки, куртки,

даже нижнее белье — все исчезло.

Цветы выпали из ослабевших пальцев Черри, который вдруг понял, что случилось. Не обращая никакого внимания на рассыпавшиеся ирисы, он бросился в прихожую — так и есть, верхняя одежда, в том числе и легкая шубка из белого меха, в которой Анька ходила зимой, пропала. Все пропало. И, кажется, сам Черри тоже пропал.

— Нет, — проговорил он потрясенно. — Нет!

Он метался по квартире, словно безумный, открывая дверь за дверью, обследуя полку за полкой, осматривая по несколько раз каждую комнату, как будто надеясь, что Анька чудесным образом появится там. Черри не понимал, что случилось. Да, раньше она уходила, и он уходил. Но всегда по какой-то причине. А сегодня утром у них все было волшебным! Он жадно поцеловал ее на прощание и поехал на работу в клуб, предвкушая сегодняшний вечер. В шутку Анька даже пообещала приготовить наручники с розовым мехом.

Что случилось? Она обиделась на него за то, что он не согласился остаться с ней в постели лишний час, потому как и без того опаздывал! Других логических объяснений Саша не находил.

— Вот же, истеричка, — выругался зло парень.

Он буквально дышал яростью. Черт побери! Он так готовился к этому дню, а она просто свалила?! Без предупреждения, без объяснения. Огненная натура Черри требовала мести. Ему хотелось найти эту мерзавку, которая вздумала с

ним играть, и проучить ее. Какого, ну, какого она так себя повела?! Тогда, когда он уже готов был поверить в чувства и сделать ей предложение, которое, как думал раньше, никогда никому не сделает.

Устав от беготни по дому, он сел на кухне за стол и, вдруг рассмеявшись, достал из кармана джинсов ту самую маленькую коробочку. Открыл ее и с отвращением уставился на тоненькое колечко из белого золота, на котором искрился небольшой прозрачный камень.

— Хрен тебе теперь, а не кольцо, дура, — с чувством выговорил Черри.

Лучше бы он на эти бабки, что заплатил за колечко, переобул тачку! Со злостью швырнув кольцо куда-то в угол кухни, парень потянулся к бутылке вина. Налил прямо в простую кружку. Видимо, сегодня он будет пить в одиночестве. Сначала вино, потом коньяк — мартини он не переваривает, купил только для нее — а затем и догнаться чем-нибудь можно будет с пацанами. Или их сейчас позвать? Все равно теперь квартира только его, раз эта овца ушла. Ярости его не было предела. Как и обиде. Все-таки не относилась она к нему серьезно, не признавала, считала полудурком и тряпкой. Наверняка сейчас веселится где-то, когда ему тут так хреново, что хочется взбить на чьей-нибудь морде кровавую пену.

Залпом выпив вино, словно это был компот, Саша в раздражении схватил с подоконника пачку сигарет и зажигал-

ку — они оба часто курили на кухне. Углядев вновь телефон девушки — бывшей, чтоб ее, теперь уже точно бывшей! — Черри, не сдержавшись, схватил его и швырнул в стену. А после закурил. Но не успел сделать и пару нервных затяжек чуть дрожащими длинными пальцами, как увидел вдруг на столе, под блюдом с фруктами, краешек конверта. Уже совсем не понимая, что происходит, Саша вытащил из него пухлую стопку листков, плотно исписанных мелким убористым аккуратным почерком, и с огромным недоумением повертел в руке, не понимая, что это. Парень не сразу увидел на конверте второпях сделанную надпись: «Саша! Прочти, если сможешь, конечно».

— Издеваешься? — проговорил он тихо.

Перестав соображать и отчего-то вдруг испугавшись, и разом растеряв терзающий его гнев, Черри взял в руки первый листок, о чем свидетельствовал его номер в углу, дважды обведенный синей шариковой ручкой, — эта ручка лежала на подоконнике, там, где были сигареты и телефон.

Черри знал, что жизнь его девушки не была простой и в ней было место многим вещам: недаром она отлично владела искусством перевоплощаться, могла быть отличным шулером, умела открывать шпилькой замки и незаметно снимать с людей драгоценности, а также обладала рядом других качеств, которые, несомненно, выделяли ее из среднестатистической толпы. Откуда у Аньки появились все эти умения, Черри не знал. Да, несмотря на их близость, они никогда

не говорили на эту тему, и оба предпочитали плавно обходить щекотливые вопросы. Анька боялась рассказать, а Черри — узнать правду. Куда комфортнее им жилось, не слишком копаясь в прошлом друг друга. Единственное, что молодой человек твердо усвоил, так это то, что его подруга завязала с подобными вещами, превратившись на время в прилежную и законопослушную девочку, которая решила погрузиться в самообразование. Анька поступила на заочное отделение факультета дизайна и архитектуры, попутно изучала английский и китайский языки, решив, что они с Черри должны заняться бизнесом, связанным с границей, а также стала посещать курсы по психологии, откуда пару раз приходила задумчивая и как будто обессиленная. Официально Аня не работала, но деньги у нее всегда водились — как сама она сказала, это были накопления с прошлой жизни.

С некоторой опаской Черри приступил к чтению адресованного ему письма. И его начало парню сразу не понравилось. А чем больше он вчитывался, тем сильнее стискивал виски невидимый обруч и тем холоднее становилась всегда горячая кровь в жилах.

Саша читал лист за листом, как плохо написанную книгу, подперев раскалывающуюся от боли голову кулаком. За два часа чтения он выкурил всю пачку. Его темные внимательные глаза, из которых пропали вдруг искры веселья и дерзости, скользили по убористым строчкам, но он не верил в то, что читает. И при малейшем шорохе оглядывал-

ся назад, словно ждал, что сейчас Анька выйдет из своего укрытия и скажет, что все это шутка и что она никуда не уходила, а просто решила позабавиться и дать волю своей фантазии. Один раз Черри почудилось даже, что открывается дверь, и он вскочил, но с разочарованным опустошенным лицом опустил на табурет, поняв, что принял за желаемое звук открывающейся соседской двери. Догадавшись, что ошибся, Саша ударил вдруг кулаком в стену — сильно, до крови сбив костяшки, и, не контролируя себя, опрокинул все со стола — и вино, и пепельницу с окурками, и чашу с фруктами, и набор солонok и перечниц, которые, как и все остальное в этом доме, выбирала Аня.

— Ненавижу! — прорычал парень, и непонятно было, к кому он обращается.

Теперь в свете кухонного освещения глаза его казались черными, и в них разрывали его душу на части исступленные бешенство, гнев и бессилие. Последнее было столь сильным чувством, что выжигало где-то на изнанке этой души самые злые слова. В какой-то момент Саша остановился и замер, застыл, как изваяние, сидя на полу, согнув широко расставленные ноги и положив на острые колени безвольные руки, покрытые татуировками. Время остановилось. Пространство оцепенело. И даже дыхание замерло.

«Зелень! Совсем по-детски... Александр! Как-то пафосно. Саша! Самое то, хотя я и не люблю тебя так называть. Итак, Саша, у меня кое-что случилось. То, чего я не ожидала. По-

этому я так позорно сбегаяю из дома, садясь за это письмо за четыре часа до того, как ты вернешься домой.

Знаю, ты будешь зол, но у меня были свои причины. Сразу хочу сказать, что ухожу навсегда. К сожалению, как бы я ни старалась, таким, как я, нет места в нормальном обществе. Поэтому не обижайся на меня за то, что я ушла. Я просто облегчила и себе, и тебе жизнь. Эй, Вишня, ты же знаешь, что я любила тебя? Если вдруг до твоего глупого мозга все еще не дошел этот факт, остановись и прокрути в голове эту фразу еще раз.

Не знаю, почему ты так приглянулся мне, такой забавный мальчишка с зелеными волосами и шикарным прессом. Помнишь тот веселый денек в парке, когда мы оба помогали Дэну? Это был хороший день. Я сразу заметила тебя. Только не сразу поняла, как безумно ты мне понравился. С тобой было весело, и я «вспоминала молодость». А потом стало чертовски тепло и хорошо.

Жаль, что все придется так закончить, но, вероятно, я не заслуживаю такого счастья. Эй, Зеленый, ты знал, что ты — счастье? Не слишком разевай пасть в ухмылке — ты слишком легко зазнаешься, и это бесит, но все-таки это удивительно. Такой мальчишка, как ты, смог сделать меня счастливой. Спасибо.

Как ты догадался, я ушла. Не злись на меня, это не моя прихоть. И не радуйся. Не заводи новую девушку слишком быстро, дай мне окончательно уйти. Ты спросишь, почему я

это сделала. Почему в день своего рождения, когда ты хотел сделать мне кое-что очень приятное, чего я с нетерпением ждала (не злись, просто у кого-то слишком длинный язык)? Почему так внезапно, без предупреждения? Причин много, и они достаточно веские.

Прежде всего, надеюсь, ты понял, что я ничего не делаю что-либо просто так. Я уже совсем взрослая девочка, поэтому не имею права на безрассудства, когда ответственна не только за себя, но и за тебя. Но, знаешь... *зачеркнуто* Если бы ты знал, сколько секретов я храню, что делала и что делали со мной... Захотел бы ты остаться со мной? Согласился бы принять? Я могу измениться, но мое прошлое — не может, как бы я ни хотела этого.

Меня сложно принять. И свою последнюю маску я не смогу снять даже при тебе. Слишком страшные вещи хранит она от этого мира. Но, помнишь, мы говорили с тобой об искренности? Первый наш серьезный разговор. Я хочу быть искренней до самого конца — так я не буду ощущать себя трусихой. Но я не смогу рассказать тебе всего, глядя в глаза, да и времени у меня мало, поэтому я напишу тебе обо всем, без утайки. Там, на следующих страницах. Прочти, если захочешь. Или сожги.

Зеленый, ты был моим островом в этой сумасшедшей жизни, и я хочу сказать тебе спасибо за это. Мой зеленый остров... Иногда я скучаю по твоим зеленым волосам:) Будь хорошим мальчиком. Не влезай в драки. Не пей много. Боль-

ше общайся с Дэном и с братом, а не со своими подозрительными панками, которые так никогда и не вырастут.

И да. Ты такой беззащитный, когда спишь. Всегда желают снов добрых, спокойных и хороших. А я хочу пожелать тебе чутких. Потому что, пока ты спишь, могут случиться самые разные вещи. Они въедаются в кожу, как хлор, разъедают ее и...

Я хотела бесить тебя до конца своей жизни. Извини, что не смогу исполнить это желание. Люблю, твоя Анька»

Глава 2

Всем известно, что сказка — выдумка, художественный вымысел, то, чего никогда не было на самом деле. Для кого-то это литература для самых маленьких, кто-то воспринимает сказки как наследие предков, передаваемое из поколения в поколение. Однако не все знают, что в сказках и мифах ярко выражены бессознательные универсальные образы — так называемые архетипы. Это могут быть и маг, и ведьма — та же Баба Яга, и прекрасный принц, и принцессы: Белоснежка, Русалочка, Василиса Прекрасная... Не зря все-таки говорят «сказка — ложь, да в ней намек». Обо всем этом Аня, разумеется, узнала, став совсем взрослой, однако уже с десяти лет считала себя настоящей Золушкой. Пусть не похожей на ту, которая из популярной сказки, но все-таки.

До того самого года, когда ее маленькая, но счастливая жизнь перевернулась с ног на голову, она считала себя принцессой. Всеми любимой, оберегаемой, хрупкой... Аня жила с родителями — заботливыми людьми из достаточно обеспеченных семей, которые и после рождения единственной дочери сохранили теплые отношения и безумно друг друга любили. Мать ее, невысокая изящная молодая женщина с весенним именем Майя, начитанная, умная и при этом обаятельная, отличалась легким нравом и добротой. Не той, глупой и неуместной, которая приводит к печальным послед-

ствиям, а искренней, побуждающей помочь тому, кто попал в беду, а не просто посочувствовать издали. Кроме того, Майя слыла человеком не только с золотым характером, но и с золотыми руками.

Маленькой Анечке казалось в детстве, что мама умеет все. и вкусно готовить даже самые сложные блюда, и рисовать красиво — и бумажных кукол, и настоящие картины, и шить такие платья, каких ни у кого больше не было — куда там покупным! Майя была мастерицей на все руки, но самый ее главный талант, как сама она считала, заключался в другом — Майя умела улыбаться и разговаривать. Приятный медовый ее голос умел и поддержать беседу на уровне, и убаюкать, и рассмешить, и, когда надо, стать твердым и даже немного властным. Мать умела налаживать отношения с любыми, казалось бы, людьми — и от нее были в восторге не только многочисленные знакомые и приятельницы, но и родственники мужа, которых сама Аня даже тогда, в раннем детстве, не любила. Майя, кажется, разделяла точку зрения дочери — родня любимого супруга не казалась ей приятной, однако она была умной женщиной и старалась не влезать в их отношения, и без того натянутые. К тому же после нескольких неудачных попыток забеременеть у нее появилась доченька — чудесная Анечка, зеленоглазая и светловолосая, которая стала настоящим украшением их маленькой дружной семьи.

Иногда мама в шутку говорила, что отец любит Аню силь-

нее, чем она сама, — Егор действительно души в дочери не чаял, и, хотя на работе в университете, в котором преподавал на факультете экономики и управления, слыл человеком суровым и требовательным, Анечка с молодых ногтей вила из него веревки. Как и Майя, ее муж был достаточно умным, имел несколько образований, свободно говорил на трех языках и вообще считался достойным высокого звания «интеллигент». Он хотя и был несколько младше жены, но ответственности ему было не занимать, и все заботы о семье он взвалил на свои плечи.

Естественно, с такими родителями, которые мечтали вырастить из дочери достойного представителя человечества, а главное, просто счастливую девочку, Ане безумно повезло. С ранних лет с ней усиленно занимались, в том числе по системе Монтессори, водили на разного рода кружки и занятия и вообще всячески поддерживали и даже баловали. Лучшие игрушки, одежда и обувь, самые качественные продукты питания, отличные педагоги — во всем этом девочка не знала отказа. Кроме того, родители воспитывали в дочке, как говорил отец, «человека», и развивали важные моральные качества: вежливость, доброту, сострадание, честность, а также умение нести ответственность за свои поступки.

К трагическим десяти годам Аня почти свободно владела английским и неплохо изъяснялась на немецком, хотя и не дружила с грамматикой, к тому же она была отличницей — казалось, знала школьную программу наперед, и все ей

легко давалось: и русский, и математика, и история... Девочка быстро запоминала и даты, и формулы, и стихи, при этом учителя не могли нарадоваться на нее — таким ангелом с большими чистыми зелеными глазами казалась им самая маленькая и хрупкая в классе девочка с забавной фамилией Шкодина. Аню ставили в пример на собраниях, отправляли на олимпиады, и ее фотография висела в холле на стенде «Гордость школы». Дети ее при этом тоже любили, и, казалось, все девчонки в классе — ее подружки, а мальчишки поголовно влюблены. Анечка словно вобрала в себя лучшие качества обоих родителей: от папы взяла аналитический гибкий ум, умеющий нестандартно решать ситуации, от него же получила чуть вздернутые брови домиком и аккуратный прямой носик, а от мамы ей достались обаяние, которое помогало легко и быстро налаживать контакт с совершенно разными людьми, пухлые губы и хрупкость. А откуда взялись зеленые глаза — никто и не знал.

Но потом в одночасье все изменилось. Беда случилась тогда, когда ее не ждали. В день, когда небо со страшным грохотом разрывалось от дождя и исходило трещинами от слепящих молний, родители Ани попали в аварию — чужая ошибка на скользкой от дождя дороге стоила им жизней. Ани в этот момент с мамой и папой не было. Она находилась на занятиях по художественной гимнастике, куда родители ее только что отвезли, решив то время, пока дочь будет заниматься, потратить на поход в магазин. До него они так и

не доехали. И больше своих родителей Аня не видела — ни живых, ни мертвых, так как на похороны ее не взяли, опасаясь за психику ребенка. Все, что ей оставалось, — фотографии, которых было немало.

Сцена прощания — как оказалось, последнего — въелась в память, как кровавое пятно в белую ткань погребального савана. Она сохранила в памяти все — каждый жест, каждое слово, каждую мелочь. Аня навсегда запомнила, во что одета была мама: в светло-лавандовое пальто, из-под которого выбивался легкий шифоновый шарфик нежно-розового цвета, аккуратные ботинки на невысоком каблуке, кожаные тонкие перчатки. И навечно в ее голову въелся голос отца: неспешный, мягкий, всегда уважительный — даже сердясь, папа не повышал тона, считая, что это неправильно. «Увидимся через два часа, малышка, — сказал он, наклонившись к дочери. — Занимайся усердно. Скоро соревнования. После занятий поедem тебе за новой куклой и роликами». А единственное, чего она не помнила, были лица родителей, и лишь снимки, которые она бережно хранила, не дали ей забыть их. Кислота времени разъела их, пытаясь предать забвению. Прежде чем они ушли, Аня помахала им и убежала в гимнастический зал, где ее уже ждала тренер. Тренер же и везла ее домой к бабушке несколько часов спустя, когда стало известно, что случилось с ее родителями. Сначала тренер долго не могла понять, почему за Шкодиной не приезжают родители, хотя занятие уже закончилось, а потом ей позво-

нили — видимо, кто-то из родственников, и тренер, только что недовольная и даже немножко злая, держа телефонную трубку у уха, вдруг изменилась в лице. В глазах ее появился испуг и жалость, и она почти виновато глянула на стоявшую подле нее Аню, ничего не подозревающую и притопывающую от нетерпения. Всей своей душой девочка уже была в детском магазине, рядом с куклами и роликами. Кто же знал, что ничего этого она больше не получит?..

Не понимая, почему ее везут не домой и куда пропали родители, Аня с удивлением и страхом смотрела на заплаканное посеревшее лицо бабушки, от которой пахло сердечными каплями, и сосредоточенное угрюмое лицо дяди, папиного старшего брата. Папа общался с ним мало, а общительная мама старалась избегать. Внимательная Аня слышала как-то раз, как она, обычно ко всем добрая, нелестно отзывалась о дяде.

«Родители заболели, пока поживешь у меня, милая», — сказала ей бабушка глухим голосом, прижав к себе и тут же отпустив. Весть о гибели сына подкосила ее, и уделять должное внимание внучке она не могла. Дядя же был холоден и к собственным детям, а тетка уже тогда, казалось, невзлюбила племянницу и просто сидела на диване.

Аню уложили спать и отправились на кухню, будто бы не понимая, что ребенок может услышать все, что там происходит. Она и слышала. Слышала, как плакала бабушка. Слышала, как разговаривал по телефону дядя, говоря что-то о по-

хорошах и поминках. Слышала, как вздыхала тетка и как вызывала «скорую» для бабушки, у которой стало плохо с сердцем. Аня была смышленным ребенком и все поняла, но ей ничего не оставалось делать, как сидеть под одеялом в темной комнате и плакать, прижимая горячие ладони к лицу. Она проплакала всю ночь и весь следующий день, а потом просто лежала на кровати, потерянная и заболевшая. Температура поднималась почти до сорока, и девочка металась по кровати в бреду, зовя маму, которая, естественно, не приходила. Так продолжалось несколько дней, а когда здоровье девочки пошло на поправку, она просто лежала в кровати, глядя в стену, ни с кем не разговаривая и отказываясь есть. Постепенно она, конечно же, пришла в чувство, но с тех пор жизнь Ани изменилась. Боль, детская, но от этого не менее сильная, чем та, которая бывает у взрослых, стерлась, но воспоминания жгли мысли сильнее, чем раскаленные угли тонкую кожу. Ушли не только родители, но и вся привычная жизнь вместе с ними канула в лету.

Бабушка хотела взять ее к себе, однако этого не дал сделать дядя. Заявив, что будет опекуном племянницы, а также распорядителем ее имущества до совершеннолетия, он сообщил, что забирает Аню к себе. Поскольку дядя жил на другом конце города, естественно, девочку тотчас забрали из любимой школы и класса. Ей выделили отдельную комнату в дядиной квартире и сказали, что теперь она будет жить с ними и поэтому придется соблюдать правила их семьи. Бабуш-

ки же вскоре тоже не стало, и в жизни Ани совсем не осталось любящих людей. Многочисленные друзья и родственники куда-то пропали, и те, кто когда-то приходил к ним в гости, обязательно принося с собой маленький подарочек девочке, совсем о ней забыли.

Уже став совсем взрослой и возвращаясь мыслями в прошлое, Анька понимала, что десятилетний ребенок, каким бы хорошим он ни был, лишившись родителей, никому не будет нужен, и мало у кого найдутся силы и желание подарить ему свои любовь и ласку. Найдутся сотни причин не делать этого, всплывут тысячи отговорок. «Зачем тревожить ребенка?», «Не будем напоминать о прошлом», «Анечка в новой семье, не будем беспокоить их», «Зачем мне встречаться с ребенком? Наверняка она меня даже не помнит».

Девочка по имени Аня попала в злую сказку. И вместо заботливого отца появился неприветливый равнодушный дядя. Любящую мать заменила вечно недовольная и хмурая тетка, у которой, казалось, навечно застыло на лице выражение брезгливости. Рядом с ней девочке хотелось стать незаметнее или вообще исчезнуть, раствориться в воздухе. Тетка была не слишком довольна появлением в квартире еще одного ребенка и была с Аней то излишне строга, наказывая за любую провинность, то вдруг совершенно забывала интересоваться ее жизнью, априори позволяя делать все, что Аня хочет. И первое время привыкшая быть приветливой и разговорчивой девочка не знала, как ей себя вести так, что-

бы тетя оставалась довольна. Это потом она уже поняла, что лучше просто не попадаться ей на глаза, заперевшись в своей комнате.

Дядя же не ругал, не кричал и не упрекал ничем — казалось, он вообще не замечает маленькую племянницу, погруженный в постоянные дела. Он вечно пропадал на работе, которая в их семье считала весьма важной, — дядя работал в городской администрации, занимая довольно высокую должность. Когда он закрывался в своем кабинете, семье полагалось разговаривать тихо и ходить едва слышно — не мешать главе семейства в работе.

В семье Верховских — такой была их фамилия, которую, слава Богу, не стали навязывать Ане, были и другие странные правила, которых она не могла понять. Детям полагалось есть отдельно от взрослых. Никто не обнимался, не дурачился, не говорил друг другу ласковых слов и не награждал веселыми прозвищами. Пикники, совместные поездки и прогулки не были приняты. А еще было много «странных «нельзя», которые вызывали у Ани удивление. Нельзя было развешивать на стенах свои рисунки — по словам тетки Анастасии, это портило интерьер, над которым трудился настоящий дизайнер. Нельзя было приглашать домой других детей — у тетки мигом начинала болеть голова, если в квартире становилось слишком шумно. Нельзя было заводить домашних животных — исключением являлись лишь бесшумные рыбки, за которыми Ане нравилось наблюдать, сидя

с ногами на кресле.

А еще Аня обзавелась братом и двумя сестрами, как и хотела когда-то, однако друзьями они не стали. Брат Дмитрий напоминал дядю. Она почти не видела его — он был уже совсем взрослым и учился в столице в престижном университете. Дмитрий приезжал домой лишь на каникулы, вечно занятый и по-студенчески деловой. До Аньки ему не было никакого дела. А вот сестры-близнецы Кристина и Марина, которые были старше Ани на год, крепко ее невзлюбили. Раньше, до того, как Ане пришлось жить в дядиной семье, а мама с папой были еще живы, они не сильно-то и общались. Виделись несколько раз в год на праздниках и вместе никогда не играли. Близняшки вечно держались за руки, ходили буками и исподлобья смотрели что на взрослых, что на детей, изредка перешептываясь. Когда Аня, испуганная и зажата, но готовая дружить, переехала к дяде, сестренки встретили ее весьма недружелюбно.

— Это наша квартира, — сказала Кристина, обходя Аню вокруг и брезгливо оглядывая ее.

— Будешь делать все, что скажем, — задрала нос Марина.

— Хорошо... А в какие вы игры любите играть? В кукол любите? — спросила дружелюбно Аня, решившая, что обязательно с ними подружится.

— С тобой — ни в какие, — ответила Кристина и толкнула девочку в плечо.

— Ты нам никто, — добавила ее сестра презрительно и

ущипнула ее. — Мама сказала, что ты приживалка.

Аня попыталась дать сдачи, оттолкнула обидчиц, но те заревели хором и пожаловались прибежавшей на шум матери, что сестрица их обижает. Та тотчас сделала девочке выговор и посетовала, что ее доброта — взять домой постороннего ребенка — еще аукнется.

Анастасия действительно невзлюбила племянницу, и в первую неделю пребывания в доме Верховских Аня, которая все-все замечала, слышала однажды, как тетка просит дядю отправить племянницу к бабушке.

— Отдай ее своей матери, Гоша, — говорила тетка раздраженно, сидя на кухне. — Пусть воспитывает девчонку. Кто она нам? Знаешь, как я устаю с тремя детьми?

— Я тебе сказал, что она будет жить с нами, — отвечал дядя. — И закрыли тему.

Тогда Аня не понимала, почему дядя не хочет отдавать ее, и сделала для себя неправильный, но утешительный вывод, что дядя хотя занятой и неразговорчивый, любит ее. Все оказалось куда прозаичнее. И вышло почти как в сказке о Золушке.

Тетку она раздражала, и та, поняв, что от девчонки не избавиться, со временем стала нагружать Аньку домашней работой, видя, что та уже покончила с уроками, которые никаких особенных проблем мышленной и умеющей логично мыслить девочке не доставляли, и справлялась она с ними на раз. Или же Анастасия заставляла племянницу помогать

с уроками своим дочерям, которые с программой гимназии не справлялись. Кристина и Марина из-за этого еще больше невзлюбили сестру, которая имела смелость ступить на их территорию. Они демонстративно не играли с ней и ставляли не просто помогать с уроками, а выполнять вместо них домашнее задание, и Ане приходилось делать это, потому как иначе близняшки мстили — могли начать драку, а потом сделать вид, что виновата во всем она, могли спрятать или испортить ее вещи, могли добиться того, чтобы мама наказала Аню, — например, запретила смотреть мультики, лишила сладкого или не пустила гулять.

Нельзя сказать, что это время было сущим адом. Никакого рванья, как у настоящей Золушки, изнурительного домашнего рабства и физических наказаний, хотя пощечины стали делом обычным. Ане выделяли небольшие деньги на карманные расходы, покупали одежду и все, что нужно было для школы, напоминая при этом, что все это принадлежит не ей, а семье, которая приняла ее из великой милости. Тетка не хотела выглядеть в глазах многочисленных приятельниц и соседок скрягой, а потому, то и дело жалуясь на племянницу, старалась содержать ее на уровне. Больше всего на свете Анастасия боялась пересудов, да и дяде было важно выглядеть презентабельно. В то время он поднялся еще выше в должности и впечатление на людей должен был производить соответствующее. То, что дядя воспитывает племянницу-сироту, возвышало его в глазах окружающих. А те и не

догадывались, каково девочке в семье Верховских, занимающей в обществе все более и более крепкое положение.

Да, с сестрами постоянно случались конфликты, и они взяли все-таки верх над Аней, чувствуя, что родители на их стороне. И Анастасия постоянно давала понять ей, что она в их семье лишняя. И дядя Георгий совсем не замечал ее, уделяя не больше внимания, чем приходящей домработнице. Но жить было можно — Аня научилась так жить. Однако и радостным это время назвать было нельзя.

С занятиями по художественной гимнастике пришлось распрощаться. Не из-за денег, естественно, которых, кстати говоря, та требовала немалых, а из-за нежелания тетки ездить с племянницей на другой конец города в школу олимпийского резерва, в которой та и занималась. Уже позднее взрослая Анька поняла, что причина крылась еще и в другом, — тетке ничего не стоило нанять того же гувернера, чтобы тот присматривал за девочкой, однако Анастасия не хотела, чтобы племянница была талантливее и успешнее ее собственных детей, которые ни в спорте, ни в учебе не делали никаких успехов. Более того, тетка не захотела отправлять Аню в ту же гимназию, что и своих дочек, а, сославшись на то, что там переполнены классы, отправила ее в обычную общеобразовательную школу, честно говоря, имеющую не слишком хорошую репутацию. Дом, в котором жили Верховские, находился в новом районе, который считался одним из самых престижных, — квартиры там были дорогими,

а уровень жизни людей, соответственно, высоким. Зато рядом располагался район старый, застроенный угрюмыми типовыми пятиэтажками с крохотными кухнями. Не то чтобы он был криминальным, но неприятных личностей там проживало предостаточно. В классе с Анькой учились как раз таки ребята из этого района, которые хотя и были, наверное, интересными и по-своему хорошими, отнеслись к молчаливой, замкнутой в себе новенькой предвзято — посчитали ее «богатенькой» и «зазнавшейся», особенно когда выяснилось, что она знает несколько языков, успешна на физкультуре, а по всем предметам заметно обгоняет одноклассников на радость уставшим от нерадивых учеников учителям. Из лидера Аня превратилась в незаметную тень самой себя, словно забыв, что умеет быть в центре внимания. И одноклассники воспринимали ее тенью — не травили откровенно, но в компании не брали и относились пренебрежительно, с завистью косились, слыша, как хвалят ее учителя, и со злостью поглядывая на дорогую одежду, которую покупала племяннице Анастасия. За эту самую одежду Аня пару раз получала от одноклассниц, которым казалось, что новенькая выпендривается. В результате Аня стала все чаще и чаще надевать спортивный костюм, который хотя и был фирменным, но не выделялся так, как наряды, купленные теткой. Та, кстати говоря, искренне не понимала, почему наглая племянница игнорирует ее милость, то есть хорошие модные вещи, и постоянно кричала, а мужу жаловалась, что «эта несносная

дура» специально одевается, как чучело. К тому же Аня, сама пока того не понимая, была довольно красивой, что, естественно, одноклассницы сразу и заметили. И это была еще одна причина, почему они не принимали ее до самого окончания учебы.

В школе из-за тяжелой адаптации после трагедии Аня так и не смогла найти друзей, если не считать такую же серую, как и она, мышку Галю Власову. Только Аня считалась «ботанкой», а Галя отставала. Они сидели за одной партой и стали вместе ходить; прибились друг ко другу не из-за похожих интересов, как это часто бывает у детей, а просто потому, что никто с ними больше не общался. Анька помогала Гале с уроками, а та гуляла вместе с ней. В гости они друг друга не звали. Аньке было нельзя. А Гале не повезло с родителями — оба они любили алкоголь больше дочери и внимание ей уделяли мало. Вести домой единственную свою подружку она просто-напросто стеснялась.

Аня часто вспоминала родителей и те времена, когда была не Золушкой, а маленькой принцессой, купающейся в лучах любви родных. Иногда происходящее с ней казалось сном, и она думала, что вот-вот проснется и попадет в тот день, когда все и случилось. Наверняка она просто уснула в раздевалке перед тренировкой. А теперь проснется и увидит родителей, обнимет их, скажет, что скучала... Но почти тут же приходило горькое осознание, что происходящее — правда, единственная ее реальность. Это было горше всего. Но со време-

нем Аня научилась не плакать при любом воспоминании о маме и папе, научилась многое держать в себе, не просить жалости — той самой, от которой все обычно горделиво отмахиваются, считая жалость слабостью.

А еще она научилась отвлекать себя от плохих мыслей и абстрагироваться от действительности. Когда Аню совсем что-то допекало — глупые и жестокие одноклассники ли, сестры ли, тетка, она уходила далеко от дома, в свое тайное убежище, которое ей однажды показала Галя, знающая в этом районе почти каждый клочок земли. Это был небольшой вытянутый остров, находившийся посреди узкой части реки, делящей город на две части. Добраться до него можно было лишь одним способом — пройти по старому полуразрушенному пешеходному мосту, который когда-то соединял остров и берег с одной стороны, но лет десять назад был закрыт, огражден колючей проволокой, снабжен предостерегающей табличкой и благополучно забыт. Однако, хотя мости был довольно опасным, но проходить по его шатающимся плитам было можно, чем Анька и пользовалась. Попадая на заросший деревьями и кустарником остров, похожий на лес посреди воды, Аня забиралась высоко на ветку раскидистого дерева над рекой и сидела до вечера, глядя на то, как неспешно появляются в воде огни города, как плывут облака, отражаясь в текучей глади, как рассекают ее моторные лодки, баржи и даже настоящие теплоходы. Иногда, находясь под защитой острова, Аня мечтала — а что бы было, если

бы мама и папа сейчас находились рядом с ней? Или если бы тетка, дядя и сестры относились к ней иначе — тепло и по-доброму, как и подобает родственникам. Но вскоре поняла, что мечты — хотя и приятное, но ужасно бесполезное дело, да еще и вредное. Окрыленная мечтами, Анька возвращалась домой, а там реальность с новой силой хлестала ее по щекам, отчего было еще безрадостнее.

И она решила однажды, что лучше не мечтать, а читать. Аня таскала на остров книги, которых было много в дядиной библиотеке, и с головой погружалась в книжные миры. Литература на полках у дяди была качественная: если романы о любви, то классические, если фантастика, то из золотых мировых фондов, если детские сказки и повести, то лучших авторов.

А еще Аня решила, что вместо того, чтобы мечтать, лучше будет думать. Думать, что, как и кому нужно сказать, и как нужно поступить. Иногда она плакала, но в конце концов научилась сдерживать слезы и говорила сама себе срывающимся шепотом, сжимая кулаки, что у нее все будет хорошо. Несмотря ни на кого. Несмотря ни на что. Так она говорила себе в десять лет и так с завидным упорством продолжала твердить и в семнадцать. Даже когда сестры издевались и смеялись над ней, называя ничтожеством и сироткой, с завистью поглядывая на стройную гибкую фигуру кузины и ее миловидное кукольное личико, обрамленное светло-русыми густыми волосами. Даже когда человек, считавшийся

другом семьи, на новогодних праздниках, оказавшись с ней в одной полутемной комнате и не ожидая, что хрупкая де-вушка-куколка способна дать отпор и оттолкнуть взрослого здорового мужчину вдвое себя больше и убежать, приставал к ней. И это все происходило с молчаливого согласия тетки и дяди, которые обо всем догадывались, но так сильно хотели ублажить высокопоставленного гостя, что даже и не пытались ей помочь, более того, дядя впервые в жизни влепил ей пощечину и молча ушел, а тетка прошипела: «Не могла помочь, курица безмозглая?! От него наше благосостояние зависит, между прочим! Благодаря нам ты в детдоме не оказалась, и никакой благодарности!» Тогда Аня просто убежала из квартиры прямо в новогоднюю ночь и долго бродила по запорошенным снегом улицам, боясь возвращаться домой и страшаясь собственного зарождающегося гнева. Она ждала только одного — совершеннолетия, чтобы забрать все, что ей принадлежит по праву, и уехать. Тогда она еще не знала, что никакого наследства от родителей ей не достанется. Дядя, став опекуном, каким-то образом присвоил все их немалые деньги и давно пустил в какое-то дело, записанное на имя супруги. Но даже и потом, узнав обо всем, Аня поклялась самой себе, что выберется из этого. И будет счастлива, несмотря ни на что.

Семь лет жизни в семье Верховских прошли незаметно, серо и были похожи на сухую вату, забившую канал времени. За это время Аня усвоила важный урок: не хочешь неприят-

ностей — будь незаметной. Не выделяйся, сиди тихо и помалкивай. Можно лишь смотреть по сторонам, но будь осторожна — твои яркие зеленые глаза могут понравиться далеко не всем.

От мечты стать знаменитой гимнасткой остались жалкие осколки. Любви — той самой, которую дают близкие люди, — не было. И даже надежды на то, что однажды все изменится, не осталось. А потом, в выпускном классе, она встретила его... Человека, который склеил новую мечту из разбитых стекол старой, подарил любовь и вернул надежду. И ее жизнь вновь изменилась — так круто, как только могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.